

Дадли, словно пуля, вылетел из машины и растворился в доме, оставив Гарри в облаке пыли. Гарри не мог не усмехнуться: этот болван, казалось, мог обогнать даже самого быстрого слизеринца. Тётя Петунья последовала за ним, бросив на Гарри прощальный, полный презрения взгляд. Вернон, с лицом, побледневшим до цвета золы, решил, что лучше всего будет спрятаться в доме, подальше от этого "безумного глазастого уroda" и его "друзей". Он швырнул Гарри ключи и, тяжело дыша, поплелся за женой. Оставшись один, Гарри с трудом вытащил из багажника тяжелый сундук и клетку с Хедвиг. Подняв их по лестнице, он направился в комнату Дадли - свою комнату. Нет, не свою, а Дадли. — Мерлин, как же я ненавижу это место, — пробормотал он, отправляя Хедвиг в комнату, чтобы не мучить ее поездкой в багажнике. — Почему я снова здесь? Ах да, Дамблдор. Кровавые заслоны. Интересно, как они вообще работают? Неужели они эффективнее, чем чары Фиделиуса, особенно если хранитель тайны — Дамблдор? И что они делают, когда меня нет здесь до конца года? Еще одна вещь, которую нужно выяснить. Опустившись на свою бедную кровать, Гарри погрузился в мрачные размышления. — Кажется, все мое доверие к Дамблдору исчерпано, — подумал он. — Он должен был рассказать мне о пророчестве, когда я его спросил, в конце первого курса. У меня не было детства, как же я могу продолжить то, чего у меня никогда не было? Он должен был знать, как я рос. Он должен был, даже если он никогда не беспокоился о том, чтобы проверить меня. В моем письме о приеме было написано "шкаф под чертовой лестницей", ради Мерлина! И если я так чертовски важен, почему, чёрт возьми, он не проверил меня? Гарри сполз с кровати, его голова ударилась о пол. Внизу раздался крик дяди Вернона: — Эти уроды не уважают тишину в этом доме! Но Гарри уже ничего не слышал. Он был погружен в пучину собственных мыслей. — Я не имею для него никакого значения. Я не Гарри Поттер, студент пятого курса. Я — Гарри Поттер, мальчик, который жил, оружие света! Нечто, что можно запрятать подальше и использовать в случае необходимости. О, чёрт возьми! Перед его глазами пронеслись хаотичные воспоминания: Хагрид, рассказывающий одиннадцатилетнему Гарри о зле Тьмы и Слизерине. Миссис Уизли, громко рассуждающая о маглах и спрашивающая, у каких ворот находится вход. Предвзятое мнение Рона Уизли о Змеином доме. Хагрид был неправ: Питер Петтигрю быстро это доказал. И всегда находились другие люди из разных домов, которые присоединялись к Темным Лордам. Акадиан Нотт, дядя Теодора Нотта, был рейвенкловцем, они приходили отовсюду. — Как это женщина, у которой семеро детей, пятеро из которых учились в Хогвартсе, её старой школе, не знает, где находятся ворота? К тому, что она решила мою дилемму и познакомила меня с самыми легкомысленными фанатиками Дамблдора чистокровной крови, которых только можно было найти, добавьте вопиющее высокомерие и расизм Драко Малфоя, и вы получите рецепт идеального гриффиндорского золотого мальчика, — размышлял Гарри. И все это только для того, чтобы он не попал в Слизерин. Каждый год были испытания, и каждый год он просто выходил из них живым. Камень... как получилось, что защиту одного из самых ценных артефактов в мире смогли победить три первокурсника? Использование зеркала Эризеда в качестве последнего препятствия после тщательного объяснения принципа его действия. Появление Дамблдора вовремя, чтобы убедиться, что Гарри не погиб, под предлогом, что они с совой пролетели мимо в полете. Он делает портключи налево и направо. А если бы это было так срочно, он мог бы легко прилететь или приземлиться. Второй курс, третий курс, четвертый. Большинство событий можно было предотвратить, но Дамблдор пустил их на самотёк, сделав свой вклад, будучи осведомлённым и позволив Гарри позаботиться об этом, как об очередном испытании. Пятый курс был самым худшим: его держали в неведении и игнорировали. — Больше не будет, — поклялся Гарри. — Больше никакого невежества, никакой слабости. Я буду делать то, что должен. Что бы мне ни пришлось делать. Я буду учиться и стану более могущественным. Ни Дамблдор, ни его индюшачий клуб не встанут на моём пути. Но я должен быть осторожен. Если кто-нибудь пронюхает о том, что я хочу сделать, Дамблдор постарается быстро закрыть эту тему, и мне будет гораздо труднее сделать то, что я хочу и что мне нужно сделать. Как, чёрт возьми, он думает, что я смогу победить его, не имея

никакой подготовки? Для начала мне нужен план. Куда идти, что взять и как это сделать. А здесь я оставаться не могу, так что придется искать другое место. Мои родители должны были быть хорошо обеспечены, возможно, они владели другой недвижимостью. С этими мыслями Гарри спустился вниз, чтобы приготовить ужин для своих "очень любящих" родственников. — Мальчик, какого чёрта ты сказал этим уродам, что мы с тобой делаем! — заорал дядя Вернон, глядя на поданный ужин. — Ничего я им не говорил, Вернон. Они видят, как я выгляжу после праздников, и, несмотря на то, что ты думаешь, они не дураки. Возможно, они гораздо умнее тебя, — ответил Гарри ровным голосом, которого сам не ожидал. — Мальчик, не смей говорить со мной таким тоном. Это мой дом! Я требую уважения! И я не собираюсь выставлять себя дураком перед сотнями людей на вокзале! Это были потенциальные клиенты, ты, маленькое дерьмо! — зарычал Вернон, лицо его покраснело до багрового цвета. — Зачем туда идти, если можно выставить себя дураком в комфорте собственного дома? — парировал Гарри, заставив Вернона вскочить и превратить свой носорог в пурпурный, который кричал "Опасность!" всем, кто знал эти знаки. — Сядь, Дурсли, — сказал Гарри тем же ровным голосом, но с ледяным оттенком. — У меня есть к тебе предложение, жадная свинья. Я буду платить тебе 500 фунтов в неделю за то, что ты будешь держаться от меня подальше и не лезть ко мне в душу. Я не буду делать работу по дому. Я буду уходить, когда захочу, без всяких последствий. Я прошу вас уважать меня и мое имущество, а взамен я буду держаться от вас подальше. Если, конечно, мне что-то понадобится, и в этом случае я позабочусь о стимуле, не волнуйтесь. Мы договорились? Гарри закончил. Наблюдать за реакцией Вернона было просто уморительно. Сначала он хотел выжать из мальчика всю жизнь за то, что тот приказал ему что-то сделать. Затем в его голове пронеслось предложение. — 500 фунтов — это большие деньги, — подумал Вернон. — Где бы этот урод мог их взять? Неважно. Я никогда не спрашивал, откуда берутся деньги, только о том, чтобы они были там, где должны быть. Хммм... — — Хорошо, парень. Впервые, это будет 1000 фунтов... Вернон, с самодовольной ухмылкой, выпалил: — Ты слишком долго был обузой для этой семьи, и настало время расплатиться за это, с процентами. Но готовить будешь ты, и никаких других уродов в доме. Гарри, однако, кипел от ярости. — Обуза? Бремя? Вы меня почти ничем не кормили, заперли в шкафу! Я делал всю работу по дому с тех пор, как научился ходить. Ребенок не должен уметь готовить полноценную еду в пять лет или определять чистящие средства по запаху! Ваш сын, пожалуй, большее бремя, ведь стоимость его еды равна стоимости пира в Хогвартсе! При этих словах Вернон отшатнулся назад, на лице его отразилось недоверие к дерзости мальчика и страх. Гарри встал, уставившись на дядю пронзительными зелеными глазами, которые, казалось, излучали "Авада Кедавра". Неведомо откуда взявшийся ветерок закружился вокруг него, растрепав его обычно короткие, взерошенные волосы, превратив их в ореол тьмы, который каскадом рассыпался по плечам. Вид у него был устрашающий. — Нет, Дурсли, ты не будешь злоупотреблять моей щедростью. 500 фунтов, не больше, жирная свинья. Я буду готовить, если мне это понравится. Ты будешь держаться от меня подальше, а я буду делать всё, что мне заблагорассудится. Ни ты, ни кто-либо другой не скажет мне обратного. Если ты встанешь у меня на пути, о тебе позаботятся. Мои друзья хотят, чтобы со мной хорошо обращались, ты же не хочешь, чтобы они появились здесь? Глаза Гарри перестали пульсировать, превратившись в тупую, безжизненную точку. Ветер утих, но его волосы остались длинными, с каким-то странным блеском, который создавал впечатление, что в них есть очень тёмные малиновые блики. Петунья отшатнулась назад, прикрыв рот рукой в беззвучном крике, с выражением недоверия, как у Вернона. Только на ее лице было что-то еще. Может быть, узнавание? Как будто она видела его впервые. Гарри не обратил на это внимания, продолжая смотреть на Вернона. — А теперь я еще раз спрашиваю, есть ли у нас соглашение? Вернон мог только кивнуть головой, не решаясь заговорить, чтобы не опозориться и не унижить себя ещё больше перед семьёй. — Хорошо. Теперь, когда все улажено, я иду спать. Спокойной ночи. И с этими словами он поднялся наверх. 'Мне нужно принять душ, — решил он. — Завтра.' Он передумал, так как кровать стала выглядеть заманчиво. 'Да, завтра', — подумал он, зевнул и завалился на подушку, которую он называл кроватью.

<http://tl.rulate.ru/book/98362/3330207>